

Гостиная «ЛГ»

«Зощенко к телефону!»

В конце двадцатых годов в Ленинграде, где я учился в университете, устраивали книжные базары, и в киосках, рядом с продавцами, ради бойкой торговли иногда сидели сами писатели, продававшие свои книги, что вызывало, разумеется, ажиотаж. Я часто приходил на эти базары и, насколько помню, больше всего людей толпилось у киоска, где торговал своими книгами Михаил Михайлович Зощенко.

Сразу же бросалось в глаза, что около него собралась наиболее разнообразная публика: от молодежи, студентов, рабочих, интеллигентов до людей, которых, скорее, можно было отнести к деклассированным элементам или просто к полубандитам.

В первый же раз, когда я увидел Зощенко, я купил у него книгу, и, пожалуй, это была одна из немногих его книг, купленных мной. У меня собраны почти все книги Зощенко, но, за очень редкими исключениями, все их впоследствии подарил мне сам автор. А познакомились мы в тот раз...

Я считаю, что у Зощенко и Чаплина много общего — и не только смех сквозь слезы. Мне кажется, Зощенко — это Чаплин в литературе.

Его произведения в какой-то мере сопоставимы с поэзией. Ну хотя бы в таком аспекте: в них нельзя менять ни слова. Выбросьте одно — получите уже не то; как и в настоящем поэтическом произведении, вы не сможете заменить ни слова. Позднее, когда я познакомился с Зощенко ближе, он сказал мне: «Вы знаете, это как стихи: я сам уже ничего не могу переменить». То была абсолютная правда; как жаль, что потом он все же стал кое-что менять в давно написанных вещах...

Потом я узнал, что он работал в самых разных амплуа — вплоть до сапожника и счетовода. А отсюда и лексикон его персонажей. Сейчас он много шонирует, но могу засвидетельствовать, что герои книг Зощенко говорили именно таким языком — в жизни, тогда...

Реалист в литературе, в жизни он иногда жил в мире странных иллюзий. Со слов Михаила Михайловича могу рассказать две истории, связанные с женщинами. Мне кажется, они достаточно характерны для него.

В Ленинграде, где жил Зощенко, была одна почитательница его таланта. Он советовался с ней обо всем, она даже помогала ему лечить ребенка, когда тот заболел; даже посылала в долг деньги, когда Михаил Михайлович был стеснен в средствах. Он питал к ней исключительную признательность, потому что действительно это был невидимый друг, добрая фея, которая в трудные минуты всегда служила ему опорой. Но, несмотря на все это, они были знакомы, так сказать, только по телефону и никогда не виделись — НИ РАЗУ. Сколько ни пытался Зощенко с ней

встретиться, она категорически отказывалась... Забавно, верно?

Но вот началась война и эвакуация, женщина уезжала из Ленинграда и застала один раз в жизни увидеть любимого писателя Зощенко с радостью согласился. Он много чего насочинял себе за годы «телефонного знакомства», представляя себе эту женщину чуть ли не блоковской прекрасной незнакомкой...

Она жила где-то на Кирочной улице. Найдя нужный дом и квартиру, Михаил Михайлович позвонил. Дверь открыла какая-то женщина. Он подумал, что это другая и сейчас он познакомится с той самой феей, которая столько лет была его душевной опорой... Увы, это оказалась она-сама.

Он не вспоминал, о чем они говорили, но я знаю, что вернулся он совершенно разбитым: «телефонная незнакомка» оказалась старой женщиной. Надеюсь, вы поймете меня правильно: дело не в возрасте дамы, а в том, что он себе насочинял о ней до встречи...

Другая история. Недалеко от Казанского собора, что на Невском проспекте, на трамвайной остановке Зощенко увидел женщину, которая ему чрезвычайно понравилась. Он сел за ней в трамвай и мотался по всему городу, чтобы только узнать, где она живет. В конце концов познакомился.

Выяснилось, что женщина эта, ленинградка, скоро уезжает отдыхать в Крым. Михаил Михайлович испугался, что роман, не начавшись, мог погибнуть. Зощенко стал упрашивать ее оставить крымский адрес, но она категорически отказалась. Тогда он стал умолять, чтобы она написала ему в Крым до востребования — Михаил Михайлович тоже ехал в Крым. Он надеялся, что получит письмо и, может быть, они все-таки увидятся. Женщина обещала.

Довольно скоро Зощенко приехал в Крым и пошел на Главный почтамт в Ялте, чтобы узнать, есть ли письмо от незнакомки. Но он так боялся, что там ничего не окажется, что предварительное **САМ СЕБЕ ПОСЛАЛ ПИСЬМО ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ**, чтобы хоть что-то получить и оттянуть момент разочарования: когда на почте протягивают письмо, то еще не известно, чье это. Действительно, письмо ему подали, но, увы, собственное. А больше он ничего не получил...

После известного избиения в 1946 году Зощенко и Анны Андреевны Ахматовой — «блудливой Ахматовой» и «труса и мешанины Зощенко», — после исключения из Союза писателей (он был вновь принят в СП в июне 1953 года) его положение оказалось тяжелым. Тогда мы с ним встретились, и я предложил материальную помощь — ну, временно одолжить денег. Но он, человек чувствительный к таким вещам, категорически отказался.

Потом я его уговаривал уехать отдыхать, потому что он был очень плох. А я знал его настолько хорошо, что ИЗДАЛЕКА смотреть на него не мог. Это было просто не в моих силах... В конце концов, я уговорил, и он уехал в сочинский санаторий.

Директор санатория, увидев появившегося Зощенко, сначала испугался, а

Двай козе и К Пастернаку...

А сегодня у нас «в гостях» — воспоминания...

Вы, конечно, замечали, сколько интересного рассказывают иногда люди — за разговорами «совсем о другом», за чашкой чая, за рюмкой, на ходу, между прочим, невзначай. Но не так часто те, кто мог бы рассказать что-то, стоящее внимания, выступают в печати. А в результате многое исчезает, как вода в песке...

Вот, коротко, почему хотелось бы познакомить читателя с тем, что когда-то — в далеком уже 1967 году — рассказывал мне **АРТЕМ ИСААКОВИЧ АЛИХАНЬЯН** (1908—1978), академик АН Армении, член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, «крупный специалист и организатор науки в области атомного ядра и физики элементарных частиц...» — как писал о нем академик Лев Арцимович.

Когда вы будете читать эти истории, не забудьте, что перед вами — **УСТНЫЕ** рассказы. И представьте себе рассказчика: необычайно выразительные глаза чрезвычайно эмоционального южанина, резкие черты лица, над которым и солнце, и дождь, и ветер власть потрудились во время горных погонь за космическими лучами; глуховатый баритон, русский выговор — не мягкий, ереванский, а твердый, тбилисский, что естественно для человека, чье детство и юность прошли в Грузии...

потом решил, что, вероятно, все в порядке, раз Зощенко приехал отдыхать. Поэтому директор поселил его в люксе. Немедленно к нему стало ходить великое множество самых разных людей — местные рабочие, студенты, отдыхающие. Он буквально не знал, куда деваться — столько народа ходило.

А тем временем директор санатория не спеша навел справки и узнал, что никто никаких указаний «на счет хорошего отношения» не давал. Выселить писателя из люкса, который предоставляла ему любезная администрация, не представлялось уже возможным — был бы скандал. Директор пришел в ужас и находился в таком «ужасном состоянии» до тех пор, пока у Михаила Михайловича не истек срок путевки.

Все это позже мне рассказывал сам Зощенко. Он, кстати, всегда говорил с очень печальным, я бы даже сказал, унылым видом, не улыбаясь — дополнительное сходство с Чаплином.

Еще до отъезда в Сочи мы договорились, что, возвращаясь в Ленинград, он в Москве переночует у меня. Тогда с гостиницами было чрезвычайно туго, а я жил один, и мне ничего не стоило устроить гостя у себя. Но, приехав в Москву, он только позвонил и сказал, что ему повезло с номером в гостинице. Он был **ОЧЕНЬ** скромный человек, **ЧРЕЗВЫЧАЙНО** скромный... Уговорить его переночевать у меня не удалось. Спустя месяц, когда я был в Ленинграде, он рассказал, как провел ту ночь.

Его поместили в общежитии гостиницы «Москва» в комнате человек на сотню. Часов в одиннадцать, когда Михаил Михайлович, устав после дороги, уже мирно спал, раздались звонки из Ленинграда и телефонистка сказала: «Попросите Зощенко». Тогда дежурная по этажу подошла к комнате общежития и крикнула: «Зощенко к телефону!»

Многие проснулись, и, когда узнали, что рядом «тот самый Зощенко», началась ванная: сразу побежали в ресторан, достали водки, колбасы и прочее. Небольшое разочарование вызвал, правда, отказ Зощенко от водки — он ведь никогда не пил ничего крепче пива... Но, в общем, до утра никто не спал.

Михаил Михайлович извинялся, что

отказался от моего приглашения, но я видел, что он получил тогда такое огромное удовольствие, что, очевидно, и не жалел...

У меня осталась в памяти еще одна встреча — году в 1955-м в Ленинграде. Тогда в Малом зале филармонии был концерт Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Я забыл, что за вещи исполнялись, но хорошо помню, что на сцене было два рояля, и за одним — Дмитрий Дмитриевич, а за другим — Максим, его сын.

Я уговорил Михаила Михайловича пойти на концерт; он согласился, хотя давно уже нигде не ходил и вообще старался на людях бывать поменьше.

В антракте мы гуляли в фойе, и он сказал, что появилась возможность издать сборник произведений. Он очень пессимистически смотрел на это дело, считал, что его рассказы сейчас не поймут, что читатель их не поймет, что нужно их адаптировать. Я возражал — безрезультатно. Я уговаривал его не трогать ни запятой, но убедить не смог. Если вы сопоставите тексты первых изданий произведений Зощенко с тем, что потом опубликованы, то увидите, что многие вещи, к сожалению, отредактированы им заново. Составлялась же книга так.

Вскоре, в следующий свой приезд в Ленинград, я захватил «чемодан Зощенко». Я уже говорил, что за годы нашей дружбы собрал почти полного Зощенко — у меня были даже те произведения, какие у него самого не сохранились.

Я приехал в воскресенье, остановился в гостинице, позвонил Михаилу Михайловичу, и он обещал прийти к завтраку.

Выйдя потом в коридор, я неожиданно встретил Шостаковича — оказалось, он остановился через номер от меня. А надо сказать, что Дмитрий Дмитриевич очень любил Зощенко и многие его вещи знал наизусть — как стихи. Я при-

гласил Шостаковича позавтракать утром, и, когда все трое собрались, Дмитрий Дмитриевич сказал: «Алиханьян дал завтрак в честь Михаила Михайловича Зощенко и Шостаковича».

Надо заметить, что Дмитрий Дмитриевич больше полутора часов не выдерживал чужого общества. Действительно, через полтора часа он ушел. Но уже полчаса спустя вернулся. И так Шостакович уходил и возвращался несколько раз в течение дня — настолько интересным человеком показался ему Зощенко. А мы с Михаилом Михайловичем сидели и выбирали рассказы.

Сборник вышел в 1956 году, после XX съезда партии...

«Сама Анна Андреевна здесь...»

Ахматова и Пастернак вспоминаются мне всегда вместе — вы поймете сейчас, почему. Не берусь рассказать много — я не был так хорошо с ними знаком, — но, возможно, хоть что-то прибавлю к тому, что уже известно из более обстоятельных воспоминаний...

1 мая 1941 года я был с женой на Красной площади. Когда парад и демонстрация закончились, я сказал жене: «Давай сегодня поедем к Пастернаку». Почему я так сказал, не помню уже точно — очевидно, потому, что всегда любил его стихи. Вы можете возразить, что не всякому любимому поэту надо досаждать дома, но это уже из другой оперы. Во всяком случае, я такую фразу произнес. Жена спросила: «А ты с ним знаком?» Я не был знаком с Пастернаком даже, что называется, шапочно, но все-таки мы поехали.

Что Пастернак живет в Переделкине, было известно. А уже там найти его дачу не составило большого труда.

Мы постучались. После минутной паузы кто-то подошел к калитке и спросил (было уже темно): «Вам кого?» — «Можно Бориса Леонидовича?» — «Это я, — ответил человек, открывая калитку. — А кто со мной говорит?» Я сказал: «С вами говорят незнакомые люди. Мы хотим с вами поговорить». — «Пожалуйста, проходите», — ответил Пастернак.

Так получилось, что у меня с собой была только бутылка кахетинского — больше ничего. Но Пастернак вынул еще две бутылки кахетинского, потом еще чего-то другого. Он очень любил грузинские вина и вообще очень любил Грузию...

Вот какой человек был Пастернак: незнакомые люди пришли к нему в десять вечера, а отпустил он нас только в шесть утра. Он всю ночь читал стихи, но ни одной своей строчки — только Марины Цветаевой и еще Анны Ахматовой, с которой я был немного знаком по Ленинграду...

Прошло меньше двух месяцев, началась война. В ноябре 1941 года в Казани я провожал свою жену — она эвакуировалась в Пермь, а я с Академией наук СССР оставался в Казани.

Было холодно, шел снег. И вдруг на платформе я увидел Анну Ахматову: она

Рубрику ведет Григорий ЦИТРИНЯК

сидела на своих вещах абсолютно замерзшая, ничего не видя и не слыша вокруг.

Я уже было направился к ней, как вдруг на перрон вышел какой-то продавец с горячими тульскими пряниками. Все уже было по карточкам, а тут без карточек. Горячие. Пряники... Навероятно! Я взял два кулечка: один для жены, другой отдал Анне Андреевне. У нее рот замерз совершенно. Она не стала их есть — она грела о них руки и все так же сидела, ничего не видя и не слыша.

Я спросил: «В каком вы вагоне едете?» — «В четырнадцатом». Вы знаете, бывают чудеса: моя жена тоже должна была ехать в четырнадцатом вагоне. Я пошел рассматривать вагон.

Он оказался с выбитыми стеклами. Ехать так до Перми — это смерть, самоубийство. Я побежал в мягкий вагон — закрытый, со стеклами, — нашел какое-то начальство, говорю: «Анна Андреевна Ахматова там сидит на платформе. У нее четырнадцатый вагон — без стекол, холодный. Возьмите ее к себе в вагон!» — «Знаете, — отвечают мне, — места нет». Я говорю: «Но все-таки — АННА АНДРЕЕВНА ЖЕ!.. АХМАТОВА! ПОНЯТНО?» — «Раз мест нет — что же я могу сделать!..»

И вдруг я вижу: идет Яков Кивович Сыркин, специалист по квантовой химии, ныне академик. Я сказал: «Яков Кивович, вы куда?» — «В Ташкент еду». — «Каким эшелон?» — «Вот этим». — «А власть вы какую-нибудь имеете?» — «Я заместитель начальника эшелона. А что случилось?»

Летом 1940 года мы вместе с Яковом Кивовичем отдыхали на берегу Черного моря, в Крыму, и часто читали стихи Анны Ахматовой, так что Сыркину не надо было объяснять, кто она такая. Я сказал: «Яков Кивович, Анна Андреевна здесь сидит на платформе. Неужели вы ее не возьмете?» — «Конечно, возьмем!» — и взял не только ее, но и мою жену — места оказалось достаточно...

Через несколько лет, уже после войны, я возвращался с женой из Дома ученых. Спустившись в метро на станции «Кропоткинская», я вышел на платформу, повернулся, чтобы взглянуть, скоро ли поезд, и в нескольких шагах от себя увидел Бориса Пастернака. Я сказал жене: «Посмотри, кто здесь стоит — Борис Леонидович». Должно быть, от неожиданности я сказал чересчур громко, потому что Пастернак услышал.

— Что — «Борис Леонидович», — отозвался он, — когда сама АННА АНДРЕЕВНА здесь стоит! — оказывается, и Ахматова была рядом.

Понимаете, насколько он ее ценил! Он реагировал мгновенно, сразу, не раздумывая.

И надо было слышать, КАК он это сказал — медленно и торжественно, как будто читал Евангелие...